

дить и локальным системам безопасности, если у них достанет мужества быть таковыми? Ведь легче быть глобалистически гибким, как переговорщики о вступлении России в ВТО.

Но, в отличие от условно суверенных экономик народных хозяйств, толпящихся в глобальной очереди за инвестициями, национальная безопасность не рынок, а безусловная ценность. **Безопасность — ценность, поэтому она не может не вступать в ежедневный конфликт** с практикой ее обеспечения. Всякая ценность (а не «политика ценностей») — нормативна и находится в вечном, исторически неразрешимом конфликте с реальностью. Примирение, а не борьба между ценностями и практикой — пропагандистская ложь. Бесконфликтная, стопроцентная безопасность — утопия.

Любая система взаимной безопасности начинается с суверенного права вето. Ее невозможно построить только лишь на взаимном праве самоограничения, поскольку оно не создает главного: гарантий безопасности. При таком беззащитном самоограничении самозаконным «гарантом» становится не консенсус, а преобладающая сила, оператор-манипулятор (сам манипулируемый бюрократической игрой). При таком порядке сами ценности становятся не нормативным конфликтом с самим собой, а манипулятивной утопией самозванных миссионеров и «образцов» безопасности, стабильности, демократии и прогресса. Видя, зная такую реальность Лиги Наций, назначать ее судьей над своей су-

веренной безопасностью — безумие.

Сколько-нибудь осмысленная система взаимной безопасности, конечно, не имеет ничего общего с самоограничением перед лицом самозаконного заинтересованного миссионера. Она существует исключительно как развивающаяся **система взаимного сдерживания, сдержек и противовесов, то есть взаимного суверенного вето**. И только миссионер, требуя единой «политики ценностей», выводит себя из-под ценностного суда — как США выводят себя из-под Международного уголовного суда, преследующего за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

Единая система «политических ценностей» никогда не реализовывалась иначе. И ради ее утопии отказываться от суверените-

риториальную целостность и безопасность.

Опыт России XX века с предельной откровенностью учит: кто бы ни стал во главе ослабленной и частично суверенной России, какие бы ценности ни исповедовали белые или красные, их вынужденные «системы безопасности» с врагами или союзниками **всегда** сопровождалась принудительным обменом нашего суверенитета на колониальный или зависимый режим, территориальные уступки, несовместимые с устойчивой политической, военной и экономической безопасностью. Это всегда был либо Брестский мир Ленина, «непредрешение» вопросов о формах и пределах государственного суверенитета Деникина, Врангеля и Колчака, государственное саморазоружение Ельцина и дипло-

Сколько-нибудь осмысленная система взаимной безопасности — это развивающаяся система взаимного сдерживания, сдержек и противовесов, то есть взаимного суверенного вето

та, не гарантируя ее правом вето, значит подвергать принципиальной угрозе национальный суверенитет, ничем, кроме суверенитета, не гарантированный. Мы не можем делегировать, как иные государства, свой суверенитет наднациональной бюрократии, ибо, в отличие от случаев попроще, в случае с Россией никто и ни при каких обстоятельствах не будет обменивать ее суверенитет на возлагаемую на Брюссель полноту ответственности за ее тер-

матическая капитуляция Козырева.

В кризисной и конфликтной «современности-2» России жизненно **необходим** экономический суверенитет, ограниченный лишь ее рыночными союзами. Но достаточен только безусловный национальный политический суверенитет, гарантирующий нас от наднационально-бюрократической «остаточной безопасности». ■

СДЕРЖИВАНИЕ И СУВЕРЕНИТЕТ

Глеб Павловский

Если задать профессиональному Стратегу параметры ядерного мира «суверенных наций» 1945 года и предложить найти невоенную модель его стабилизации, никто бы с такой задачей не справился. Однако мир без большой войны

просуществовал до конца СССР и до сих пор еще жив. Значит, стратегический парадокс нашел какое-то решение?

Решением конца 40-х годов оказалась концепция суверенного *сдерживания*, автором которой

считают Джорджа Кеннана. Сдерживание стало интеллектуальным успехом американской стратегии, плодами которого воспользовался и остальной мир, включая «Советы». Совершенно непонятое в СССР, сдерживание даже на рус-

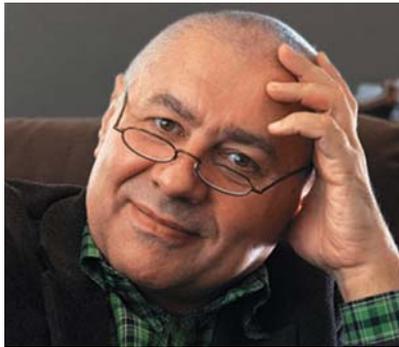
ский переводили неверно — то как «устрашение», то как «изоляция». По сей день российский МИД анафематствует сдерживание, не забывая всякий раз суеверно добавлять к нему — «пресловутое», «так называемое». Между тем значение этой истинно высокой теории для стратегической культуры XX века никак не меньше принципов кибернетики для мышления организационного.

Мир сегодня не безопасней послевоенного. Давно забыто, что такое Большая война. Старинный механизм Ялты-Потсдама сохраняется в полуразобранном инерционном режиме. С тех пор как катастрофа СССР сняла пусковой механизм С предохранителя, глобальная безопасность перестала быть стратегической и имеет инерционную природу. Инерция — большая сила, раз мир все еще не уничтожен. Но сколько ему осталось?

1.

Собственно говоря, что есть сдерживание? Это результативное и детально предвидимое по эффекту воздействие на стратегическую самооценку врага. И это отнюдь не запугивание (безотчетный страх слабо поддается техникам сдерживания). Это рациональное нюансируемое воздействие на планы противника — также признаваемые рациональными.

В отличие от детальных межгосударственных соглашений (неисполняемых, как их ни контролируй), успех сдерживания обеспечен изнут-

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, директор Русского Института

Это множественное «если — то» подходит на изобретение шахматных композиций. Игры кодифицируются и оформляются стратегическими соглашениями, подобными Хельсинки, СНВ-1 и СНВ-2. Пока политика сдерживания действует и признается, соглашения выполняются. Но мысль, будто подписание соглашений (включая все виды контроля) может обеспечить их выполнение в рамках «мирового порядка», есть ошибочная мысль.

2.

Интрига кроется в слове «порядок», где смешаны игроки разной степени суверенности. Притом часть из них вовсе не озабочены суверенностью своей политики. Например, вы захватили страну, которую не умеете контролировать, как Ирак или Афганистан?

Россия не имеет доктрины, которую можно как-либо назвать вслух. У нас нет никакой концепции безопасности

ри, а не извне — за счет суверенного самоконтроля противника. Сдерживание не отрицает и не игнорирует интересы наций, жестко табуируя лишь некоторые классы вероятных ходов. Так в мировой игре проступают «правила» — те самые, о которых зря твердят на бесполезных переговорах. Правила игры скрупулезно выверяются на основе предсказуемого же встречного реагирования.

Не беда. Вам на помощь кидаются союзники США из Межевропья, не являющиеся союзниками (воевать в Азии они готовы лишь символически). Их функция — ложных мишеней — истощать внимание и ресурсы России, чтобы та не воспользовалась стратегическим вакуумом.

Вот, например, концепция «Восточного партнерства», иницииро-

ванная Швецией и Польшей и в целом принятая ЕС в начале декабря. Она открыто, прямолинейно **исключает Россию** из списка восточноевропейских стран. Россия не восточноевропейский не партнер. Она просто *вне* сообщества. Одновременно это тестирование союзников России, причем беспроблемное — согласные участвовать в восточном партнерстве (а согласятся все!) тем самым соглашаются и с исключением России. (О, разумеется, нам нельзя называть это «зоной влияния Евросоюза»?)

Столь мелочная, убийственно педантичная линия на вымарывание России с политической карты Европы непонятна в дипломатической тактике («ах, кому это надо?» — рассуждают в Москве). Зато подлинный контекст выстраивается и затвердевает в необсуждаемый тренд. Это уже не политика сдерживания, как часто думают, это **политика исключения** — линия на несуществование и стратегическое небытие России. Разумеется, мы сможем и станем препятствовать этой линии — тактически. Но в том и проблема, что Россия никак не определит собственную стратегию. МИДовский тон регистрации пощечин от мира каменеет маской скорбного Панталоне.

Наши противники обсуждали и обсуждают теорию своей безопасности непрерывно, практически из года в год. Каждая стратегия испытана и атакована экспертами, она неоднократно пересматривалась и заменялась. Есть целый западный спор о *периодизации стратегий безопасности* (после войны в Америке насчитывают от четырех до шести таких концептуальных эпох). В русском обществе все такие разговоры «моветон», способ получить имя «ястреба». Но чем еще заняться в мирное время, если не вырабатывать стратегию безопасности? В военное время ее придется практиковать.

3.

«Позолота вся сопрется — свиная кожа остается» — этот стишок из Андерсена неопровержим. Горы книг о новом мировом порядке (а также и о «новом новом», поскольку песни о «просто новом» поднадоели) радуют глаз. Но дееспособ-

Евроатлантический альянс все ближе к границам России

но немного — суверенное сдерживание, прямое и не прямое; региональная поддержка «доверенными полусуверенными» — да прямое устранение суверенными репрессалиями, также прямыми (либо замаскированными под «международные»).

Сдерживание суверенно, без взламывания суверенитета других. Оно безразлично к мечтам политически перестроить противника. Сдерживание разворачивает страну к собственным проблемам от соблазна слишком увлекаться чужими. Сдерживание поощряет нацию заниматься своими делами,

отваживая ее от попыток жить «за других».

Россия не имеет доктрины, которую можно — пусть и не соглашаясь с ней — как-либо назвать вслух. У нас нет никакой концепции безопасности. Без концепции безопасности провисает и *безопасность как ценность*, о чем напомнил Модест Колеров. Спор о суверенитете в Москве до 8 августа оставался неполитической тенью о вкусах, чем-то из политической филологии. Только поэтому суверенитет долго считали русской причудой, риторическим «пункти-

ком» — пока осетинская война не выправила положение. (Хотя война с Грузией стала необходима вследствие неудачи конкретной политики сдерживания Грузии и США на Кавказе. Эта неудача еще ждет разбора.) Теперь Россию считают «опасно чокнутой», что временно гарантирует осторожность Европы и США в обращении с нами. У России появились время и шанс заново рассмотреть для себя сдерживание и другие стратегические ресурсы суверенитета. Будет катастрофой, если шанс разменяют на «кочку евроатлантизма». ■

НАТО НЕ ПОЙДЕТ НА САМОРАЗРУШЕНИЕ РАДИ КЛОЧКА БУМАГИ

АЙРА СТРАУС — основатель и координатор с американской стороны общественной организации "Комитет по связям стран Восточной Европы и России с НАТО" (CEEERN) Специально для РЖ

Конечно, для российского лидера это правильно — говорить, что он хочет видеть несколько измененный атлантизм, включающий Россию, а не такой атлантизм, который Россию исключает. Когда Президент Медведев говорит, что нужно «новое», нужен «евро-атлантизм» вместо существующего атлантизма, он опять же возвращается к языку эпохи Горбачева. В эпоху Горбачева это был огромный шаг вперед, но язык формулировок неизбежно вызывал подозрения, что цель — уничтожение серьезного существовавшего атлантизма и замена его клочком бумаги. Возврат к этому сегодня означает возрождение подозрений безо всякой выгоды.

Россия не может присоединиться к Европе, то есть к Европейскому союзу, потому что он слишком мал для

России. Россия может присоединиться только к большей — трансатлантической — Европе. Россия неоднократно это познавала на собственном опыте с 1991 года. Почему теперь надо об этом забывать и возвращаться к доминированию языка европеизма?

Насколько новым должен быть преобразованный атлантизм? Он должен сохранить все существенное, что было создано за сто лет атлантизма; если от этого отказаться, то получится не лучше, чем если начинать на пустом месте. Вот почему необходимо видеть столетнюю историю развития атлантизма с множеством его этапов (восстановление дипломатических отношений, альянсы времен мировой войны и чрезвычайные институты, дальнейшая институционализация во время холодной войны). Тогда станет ясно, что пересмотр атлантизма применим не ко всем аспектам. Вместо этого лучше рассматривать его как «второе издание» НАТО, приняв во внимание, что первое издание включало холодную войну и самые корни альянса. Но это значит, что такое «второе издание», которое включало бы Россию, будет выглядеть как простое и полное отрицание корней альянса. Это также значит, что соглашение на этот счет достигнуто не будет, потому что НАТО не пойдет на саморазрушение ради клочка бумаги. ■